

Я. Н. ЦАПОВ

«СВЯЩЕНСТВО» И «ЦАРСТВО» В ДРЕВНЕЙ РУСИ В ТЕОРИИ И НА ПРАКТИКЕ

Взаимоотношения светской государственной и церковной властей в Древней Руси в X—XIII вв., когда столицей ее был Киев, представляют интерес и для политической истории, и для истории политических и церковно-политических идей европейского средневековья. Сохранившиеся источники позволяют представить эту проблему в развитии и в нескольких аспектах, в частности, показать местные истоки этих взаимоотношений, а также роль христианских и византийских идей в формировании представлений о характере княжеской власти и пр. Они свидетельствуют, что на Руси и в Римской империи до их христианизации существовало определенное сходство в условиях, при которых возникли отношения светской власти и культа, но не менее важны и те значительные особенности, которые определили соотношение этих институтов в будущем.

Для того чтобы правильно понять взаимную позицию «священства» и «царства» на Руси в христианское время, т. е. с конца X в., мы должны обратиться к несколько более раннему времени. Я имею в виду то время, когда на Руси уже существовало государство со столицей в Киеве и с той же княжеской династией, но господствовавшей религией было язычество. Первоначально взаимоотношения между княжеской властью и религиозным культом на Руси формировались на основе местного языческого, а не заимствованного христианского мировоззрения. Хотя каких-либо письменных свидетельств о том, как осмысливались в это время отношения светской власти и культа, нет, все же как общеисторические, так и восточнославянские археологические материалы позволяют считать, что в первом тысячелетии нашей эры здесь шла та же эволюция с постепенным обособлением светских политических и религиозных функций, прежде совмещавшихся одним лицом, которые выполняются отдельно князьями и отдельно волхвами-кудесниками, обладавшими авторитетом, но не политической властью. Для времени существования государства (IX—X вв.), как показывают археологические исследования, власть и культ повсеместно были разделены территориально и персонально, хотя лингвистические свидетельства также говорят о первоначальном их синкретизме. Таковы славянские слова, восходящие к праславянскому * *kъnędza*, одни из которых обозначают светских правителей: старославянский *kъnędza*, русский *князь* (князь), болгарский *кнез* (староста), а другие — духовных лиц: польский *ksiądz*, словацкий *kňaz* (священник) и пр.¹

Есть сведения, что современники придавали некоторым древнерусским князьям и в историческое время (X—XI вв.) качества волшебников, видели связь их с потусторонними силами. Таковы князь Олег, носивший прозвище Вещий (т. е. маг), который правил в Новгороде и затем в Киеве

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. 2. С. 266.

с конца 870-х до 910-х годов, и князь Всеслав Полоцкий (1060-е годы), обладавший в эпической традиции также магическими чертами.

Однако реально со времени существования государства княжеская власть была уже отделена от культа. Б. А. Рыбаков предполагает, что культовые функции могли сохранять местные восточнославянские князья, подчиненные киевским в X в., которые в договорах с Византией называются «светлыми князьями»². В таком случае окончательное отделение культовых функций от политических и вместе с тем волхвов от князей могло произойти в результате победы киевской династии Рюриковичей над местными княжескими домами и замены таких князей, как легендарные потомки Кия, князья Мал у древлян или Ходота у вятичей, сыновьями или *посадниками* (представителями) киевских князей.

Наиболее полный материал для суждений об отношении между княжеской властью и культом в дохристианской Руси дает изучение языческой реформы князя Владимира, которая была проведена, по сообщению Повести временных лет, в 980 г., т. е. за восемь лет до принятия им христианства. Эта реформа заключалась в том, что князь Владимир создал новый государственный языческий пантеон, поставив во главе его Перуна. олицетворение грома и молнии, бывшего божеством воинов и воинских успехов. Владимир, по словам летописца, поставил на холме, рядом с княжеским дворцом, деревянного кумира Перуна, а также кумиров Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокоши и установил им всем жертвоприношения, в том числе и человеческие³. Недавние археологические раскопки в Киеве на этом месте позволили открыть в подвале дома языческое святилище с несколькими ямами, которое исследователями отождествляется с этим пантеоном⁴. Реформа была проведена не только в Киеве, но и в других городах. Так, в Новгороде ее осуществлял дядя князя Владимира, посадник Добрыня, который поставил кумира Перуна над рекой Волховом⁵.

Эта реформа показывает тесную связь киевского князя с культом. Прежде всего, это его роль как субъекта реформы. Хотя сам он не является ни объектом поклонения, ни специальным служителем культа, однако и он сам, и окружающее его общество считают его как главу государства правомочным реформировать пантеон, выдвигать на первое место божество, не пользовавшееся прежде общим признанием, и пополнять пантеон так, чтобы противопоставить его наступающему христианству. Эту реформу могли проводить от имени великого князя в других городах его «мужи», но нет сведений, чтобы это право имел какой-либо другой князь, глава местного княжества.

Далее, само выдвижение на первое место Перуна, бога грозы, княжеской власти и воинских успехов, делало новый пантеон более близким государственности, соответствующим обществу, утратившему свой демократический первобытный характер, но значительно стратифицированному по классам, социальным группам, отношению к княжескому двору.

Наконец, мы видим в этой инициативе князя Владимира объединенное выступление государства и культа против христианства в пору, когда последнее завоевывает в самой Руси все большее признание. Есть сведения о существовании в Киеве уже в середине X в. христианских церквей, христианами были бабушка Владимира Ольга и, возможно, его старший брат Ярополк, а также некоторые киевляне, в частности варяги как это известно по сказанию о первых христианских мучениках в Киеве Иоанне и Федоре⁶.

Языческая реформа Владимира оказалась безрезультатной. Ему не удалось и не могло удасться привести местный языческий культ, порожденный

² Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 770.

³ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 79. См. также: Т. 2. Стб. 67.

⁴ Боровский Я. Е. Мифологический мир древних киевлян. Киев, 1982. С. 45—51; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 428—430.

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 67.

⁶ Там же. Стб. 69; Т. 25. С. 358—359.

первобытно-общинным строем, в соответствие с новыми нуждами крупной восточноевропейской державы, какой стала Русь в конце X в. Он не смог и предотвратить этой реформой принятие христианства, которое уже было признано в других европейских, в частности славянских, странах.

Вторая религиозная реформа, проведенная Владимиром после принятия им самим христианства, — официальное введение новой религии в стране — была выражением тех же прав киевского князя, которые проявлялись и в первой реформе. Она вновь показывает связь государственной власти с культом, что находит выражение и в его праве на вторжение в религиозную сферу и ее реформирование, и в заинтересованности нового христианского духовенства и новой иерархии в княжеской инициативе и поддержке, без которой они не могли бы существовать.

Отношения между княжеской властью и церковью отныне строились под влиянием двух основных факторов: во-первых, этой традиции княжеской опеки над культом, делающей его, культ, изначально зависимым от высшей светской власти, и, во-вторых, христианских норм отношений между «священством» и «царством», ставших известными на Руси, вероятно, уже на рубеже X—XI вв.

Я не буду перечислять здесь все памятники раннехристианской и византийской литературы, начиная от евангельских текстов и кончая комментариями Феодора Вальсамона к Номоканону XIV титулов, в которых нашли выражение различные принципы этих отношений. Известно, что все киевские митрополиты в интересующее нас время, за двумя исключениями, были греками, присланными из Константинополя, и многие епископы русских епархий, особенно в раннее время, также были греками. Нужно предполагать, что они должны были быть сами сведущи в тех теориях взаимоотношений светских и церковных властей, которые были господствующими в Византии в их время, и могли знакомить с ними русских правителей и местную общественность. Однако фактически мы знаем об этом только по тем славянским переводам, которые были сделаны еще для Моравии и в Болгарии, впоследствии были принесены на Русь и сохранялись в памятниках древнерусской письменности.

На Руси с древности были известны евангельские слова Христа в ответ на вопрос, должны ли христиане платить подати римскому императору-язычнику: «воздадите убо (же) кесарева — кесареви, и божия — богови»⁷. Также очень рано стало известно Послание апостола Павла к римлянам, где содержится формулировка обязательного подчинения христиан светской власти, как поставленной от бога, без уточнения, какая это власть: «Всяка душа властем предрежащим да повинуется. Несть бо власть аще не от бога, сущия же власти от бога учинены суть. Тем же противляйся власти божию повелению противляется. . .»⁸ Древнейшие списки Евангелия сохранились с XI в. и были одними из первых книг на славянском языке; списки Апостола (книги посланий апостольских) сохранились с XII в.⁹, но существовали и ранее. И те и другие были распространены очень широко.

Древнеславянская Кормчая книга (Номоканон), известная на Руси с XI в., содержала так называемые «Правила апостольские» и новеллы Юстиниана. Некоторые из новелл включали установления по интересующим нас темам. Особенно важно предисловие к 6-й новелле, содержащее общее положение о том, что обе власти: «священство» («священи») и «царство» — дары божии и должны каждая ведать своей сферой, божественной и человеческой: «Велии в человецех суть дари божии съвыше данаго человеколюбия: священство же и царство, ово убо божьственным служа, ово же человеческими обладая и прилежащее. И от едного и того же

⁷ Матф. XXII. 21. См. славянск. текст [синод. изд.

⁸ Римлян. XIII. 1—2.

⁹ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984. С. 30—35, 142, 162.

начала обое происходя и человеческое украшает житие»¹⁰. В Древней Руси это было практически первым авторитетным установлением, придающим церковной власти такое же значение, что и светской, княжеской. Оно начинало собой Собрание новелл в 87 (93) главах, приписывавшееся на Руси Григорию Акраганскому (из Агригента), и входило во все редакции кормчих книг¹¹.

Апостольское правило 84 устанавливает наказание и извержение из сана для священнослужителя и отлучение от церкви для светского лица за несправедливое обвинение государственной власти — царя или князя: «Иже укорить цесаря или князя (βασιλέα ἢ ἄρχοντα) чрез правдное, казнь да приметь, и аште есть причьтъник, да извержеться, аште ли люжанин да отлучен будеть»¹². Поскольку выступления против государства светских лиц судились и наказывались самой этой властью и еще более жестокими мерами, чем только отлучение, для нас важна норма, касающаяся служителя церкви. То, что за выступление против представителя государства священнику грозило высшее церковное наказание — лишение его профессиональных — учительских и литургических — функций, должно было быть очень действенным и не способствовало обличениям действий политической власти.

Если Апостольское правило запрещало священнослужителю обвинять князя в нарушении права, то глава 7 новеллы 123 запрещала светскому «князю гражданскому или к воинку» (городскому или военному правителю) привлекать к суду в качестве свидетелей епископов и священников и заставлять их давать показания¹³. Этим самым церковная организация ставилась вне светской государственной юрисдикции, что вело к их разграничению.

На Руси были знакомы и с Предисловием к новелле 137, которое провозглашало, что светская государственная власть должна заботиться о соблюдении не только государственных законов, но и «священных канон и божьствных закон»¹⁴. Это авторитетное императорское установление как бы предписывало княжеской власти взять на себя создание церковного суда и соблюдение его интересов. Следует заметить, что древнерусские княжеские уставы Владимира и Ярослава как раз и являются документами, конституирующими церковный суд.

Вместе с тем было известно и учение об ограниченности императорской власти как только светской и подчиненной духовным властям. Оно было изложено в обращении Феодора Студита к императору Льву Армянину (810-е годы), в его житии, сохранившемся в русских рукописях с XII в.: «Разумей, рече, о цесарю, и увежь в себе, яко внешняя (мирские) убо вещи тебе и твои власти даны суть, церковная же и богия — святительмь и учительмь. . . тем оvem убо еже о велении глаголати и расужати, тебе же въследовати тъкмо и повшноватися повелено»¹⁵.

Как видим, и в переведенных на славянский язык и известных на Руси установлениях и сочинениях нашли отражение различные концепции взаимоотношения «священства» и «царства», которые могли быть использованы в соответствии с местными нуждами.

Сами русскими писателями и философами в интересующее нас время

¹⁰ Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906. Т. 1. С. 739—740. Новый перевод XII в. в составе кормчей Сербской редакции см.: Кормчая, напечатана у с оригинала патриарха Иосифа. М., 1911. Л. 306 об.

¹¹ Щатов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси XI—XIII вв., М., 1978. С. 63, 103.

¹² Древнеславянская кормчая. Т. 1. С. 80.

¹³ Древнеславянская кормчая. Т. 1. С. 770—771. Срезневский И. И. Обзорение древних русских списков Кормчей книги. СПб., 1897. Прил. С. 88. Кормчая, напечатана с оригинала патриарха Иосифа. Л. 321.

¹⁴ Срезневский И. И. Указ. соч. Прил. С. 126—127. Древнеславянская кормчая. Т. 1. С. 796.

¹⁵ Выголексинский сборник. М., 1977. С. 294—295. Творения св. отца нашего преп. Феодора Студита. СПб., 1867. Ч. 1. С. 52. См.: Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. П., 1916. С. 65—66.

не были созданы специальные трактаты о том, как должны строиться взаимоотношения властей. Однако и в литературных и в юридических памятниках мы находим выраженные взгляды, которые тогда существовали.

В своей Похвале князю Владимиру будущий киевский митрополит середины XI в. Иларион считает, что заслугой этого князя является не столько то, что он сам принял христианство, но главным образом то, что он сделал христианским свое государство, взял на себя распространение веры, но не ограничился этим, а, так же как Константин Великий, часто совещаюсь с епископами, стремился установить в стране христианский закон¹⁶. Таким образом, Иларион признает за княжеской властью право на участие в церковных делах в сотрудничестве с самой местной иерархией.

Эта идея о праве киевского князя принимать участие в делах церковной организации, начиная от ее учреждения, приглашения митрополита, обеспечения ее десятиной от суда, торговли и даней, изложена и в Уставе князя Владимира о десятинах, текст которого относится, правда, к XII в., но в первоначальном виде возник в первые годы XI в. Однако здесь изложен и другой важный тезис: князь по указанию «греческого номоканона» не считал себя в праве вмешиваться в церковные суды, отказался от них за своих бояр, судей и потомков, передав их церкви св. Богородицы, митрополиту и епископам: «. . . Възрех в греческыи номаканун и обретох в нем, юже не подобаетъ сихъ тяжь и судовъ судити князю, ни бояромъ его, ни судиямъ его. И сгадав азъ съ своею княгинею Анною и съ своими детми далъ есмь святой Богородици, и митрополиту, и всемъ епископомъ»¹⁷. Ссылка на «греческий номоканун» подразумевает, вероятно, названные выше новеллы и Апостольское правило. Как видим, общее указание на активность княжеской власти в становлении церковной организации и ее материальном обеспечении сочетается здесь с признанием особой юрисдикции, не подлежащей вмешательству князя¹⁸.

Тезис об обязанности князя как главы государства защищать христианскую веру, православию высказан в Послании киевского митрополита грека Никифора начала XII в. к великому князю Владимиру Мономаху. Он сравнивает князя с пастухом и садовником, которые должны показать ревность к богу, предостерегая: «не даси насадити трънниа, но съхраниши преданиа старое отец твоих»¹⁹, т. е. должен продолжить традицию, вероятно, князя Владимира, его сына Ярослава и внука Всеволода, который был отцом Мономаха.

Переходя от рассказа об отношениях между «священством» и «царством» в христианской литературе, читавшейся или написанной на Руси, к изложению практических отношений между церковной и светской властями по сведениям летописей и других источников, нужно отметить, что принятие христианства и учреждение церковной организации княжеской властью привело к тому, что в первое столетие своей истории эта организация экономически и политически была в значительной степени зависима от великокняжеской власти в Киеве. Князь выделял на содержание церкви централизованную десятину из своих доходов — собираемых им даней, судебных и торговых пошлин, обеспечивал строительство храмов

¹⁶ Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 95—98. Идеино-философское наследие Илариона Киевского. М., 1986. Ч. 1. С. 3С—35.

¹⁷ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Шапов. М., 1976. С. 15.

¹⁸ В текстах Устава XIII—XIV вв. далее появляется особая статья о том, что княжеские тиуны (судебные чиновники) не должны «обижать» церковные суды и судить их без владычного (епископского) наместника (Там же. С. 18, ст. 7), что изменяет характер этого суда из чисто церковного в княжеский с участием церковного ведомства. В Крестининском изводе XIV в., отражающем условия Новгорода, где церковная юрисдикция значительно расширилась, вводится требование участия владычного судьи и при разборе светских дел. См.: Древнерусские княжеские уставы. С. 31, ст. 8.

¹⁹ Русские достопамятности. М., 1815. Ч. 1. С. 70; Вальденберг В. Указ. соч. С. 115.

и монастырей, выполнение решений церковного суда и пр. Вместе с традиционным, еще дохристианским правом распоряжаться языческим культом это изначально должно было определить характер взаимоотношений двух властей на Руси и в политической, и в других областях. Раннехристианские и византийские модели отношений между «царством» и «священством» могли в этих условиях только освятить реальное соотношение сил, если они ему соответствовали, или оставаться без внимания, если ему противоречили.

Нужно отметить, что в противопоставлении и сочетании понятий «царство» и «священство», перенесенных из византийской жизни на русскую почву, под «царством» совсем не всегда имеется в виду реальная княжеская, т. е. высшая светская государственная, власть на Руси. Ссылки в Уставе Владимира в редакции XIII в. на авторитет «уряженья» «первых царев» и «великих святителей» «вселенских святых семи зборов»²⁰ позволяют считать, что понятие «царства» относилось к древним и далеким византийским царям, с которыми было связано устройство христианской державы (Константин, Юстиниан, Мануил). Учения о царской власти и ее отношении к «священству» перешли на Русь в готовом виде и в интересующее нас время, пожалуй, не рассматривались как связанные с отношением между княжеской властью и церковью в этой стране. Они были понятиями и усвоены, но практически не применимы, ибо византийские императоры на Руси не обладали властью, а соотношение между светской и церковной властями на месте строилось в соответствии с местными социально-политическими условиями в большей степени, чем под влиянием восточнохристианских идей. Поэтому эти отношения должны были выработываться здесь заново на основе прежде всего реального соотношения княжеской и церковной властей и лишь после этого под влиянием принципов отношений светской власти (а не императора только) и церкви, принесенных византийскими иерархами и переводными книгами.

Расширение юрисдикции церкви на большое число семейных, брачных и других дел, прежде принадлежавших компетенции общины и большой семьи, не приводило ее к конфликту с княжеской властью, ведавшей только уголовным и имущественным правом. Посвящение митрополитом русского священника Илариона собором епископов по желанию князя Ярослава Мудрого в 1051 г. является выражением тех отношений между князем и зависимой от него церковной организацией, которые сложились в конце X в. и существовали в течение всего следующего века.

На рубеже XI—XII вв. наряду с десятиной в материальном обеспечении церкви появляется новый важный фактор — земельная собственность, которую епископские кафедры и монастыри получают от князей и других феодальных землевладельцев. В течение XII в. епископские кафедры все теснее связываются с местными княжескими столами, от которых они получают земли и феодальные привилегии. Это приводило к тому, что интересы церковных организаций, с одной стороны, теснее переплетались с жизнью столиц княжеств, а с другой — могли расходиться с интересами княжеской власти в неконфессиональной сфере. Известны конфликты во Владимире после смерти князя Андрея Боголюбского, когда князь Ростиславичи, слушая совета бояр, пытались конфисковать имения Успенского собора. Ко второй половине XII в. относятся сведения об активности епископов, приводившей к конфликтам с князьями.

Изменения, которые произошли в русском обществе за сто лет, с середины XI до середины XII в., в частности эволюция в положении церковной организации за это время, отразились в церковно-политическом конфликте при назначении киевским великим князем Изяславом нового митрополита Климента в 1147 г. На место уехавшего в Константинополь за два года до этого митрополита грека Михаила, наложившего первый известный на Руси интердикт на свою митрополию (запретившего служить в киевском

---

²⁰ Древнерусские княжеские уставы. С. 23, ст. 11.

Софийском соборе), князем был выдвинут выдающийся русский деятель, который, по отзыву летописца, был «книжник и философ, так, якоже в Русской земли не бяшеть»²¹. Однако поставление его прошло с большим трудом, что формально было связано с тем, что он не получил предварительного утверждения со стороны Константинополя, но решающим была, вероятно, меньшая зависимость епископов от великокняжеской власти и союз их с князьями, соперниками киевского Изяслава.

Однако в политической практике Руси XII—XIII вв. выбор кандидатов в епископы для столиц феодальных княжеств оставался в компетенции местных князей и митрополиты беспрепятственно посвящали соответствующих кандидатов. Однако бывали случаи, когда поставленный самим митрополитом епископ не признавался князем и он был вынужден ехать на другую кафедру, где князь был более сговорчив. Решающий голос князя в выборе епископа нашел отражение в словах летописца, что епископ может занять свое место, если его «бог позовет и святая Богородица. Князь въсхочет и людь»²². Даниил Галицкий, для того чтобы лишить авторитета неугодного ему галицкого епископа Асафа, создал около 1220 г. новую кафедру и посадил на нее своего человека²³. В Новгороде тенденции республиканского развития привели к стремлению к церковной самостоятельности кафедры от Киева и выборам кандидата в епископы на вече, а не к назначению его князем.

Особенно остро несовпадение и даже противоречие интересов между княжеской властью и церковью проявилось во второй половине XII в. во Владимиро-Суздальской Руси, но кончилось для деятелей церкви, противопоставивших свою политику княжеской власти, поражением. Случайно ли то, что эти конфликты, насколько известно, имели место главным образом в этой части страны, где княжеская власть приобрела большую силу, где она пыталась изменить традиционную структуру церкви, учредив вторую митрополию, и где деятели церкви, также по образцу княжеской власти, стремились принять новый статус? Думаю, что не случайно.

Митрополиты и епископы на Руси не принимали участия в феодальных представительных учреждениях, решавших государственные вопросы. — в княжеских съездах («снемах»). Но они участвовали в советах при князе в тех случаях, когда обсуждались вопросы передачи княжеского стола в обход традиционного права не законным, а любимым наследникам²⁴. Здесь поддержка представителем церкви решения вопроса о престолонаследии должна была сделать желание князя как бы утвержденным небесной властью, но она не всегда приводила к успеху.

Несомненно, что деятели церкви оказывали определенное влияние на решение политических вопросов в стране. Однако нужно отметить, что они не отстаивали или защищали какую-либо свою, особую линию, отличную от феодальных групп, городов, но разделяли одну из сторон в политическом конфликте или стремлении погасить его. Политические устремления церкви являются важными для страны и для нее самой в тех случаях, когда она поддерживает значительные в данный момент направления княжеской или городской политики. Однако деятели церкви выступали при этом не столько как органы власти, сколько как идеологический фактор, влиявший на результаты политической или, шире, социально-политической борьбы княжеских и боярских группировок.

Мне хотелось бы завершить рассказ о церковно-политических концепциях и отношениях на Руси важным выступлением киевского митрополита XIII в. Кирила II, сделанным им в послании в Новгород в 1270 г. во время конфликта города с великим князем Ярославом Ярославичем, что было новым явлением в истории политической мысли страны. Именно тогда

²¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 340.

²² Там же. Т. 1. Стб. 390—391 (1184 г., в летописи — 6693 г.).

²³ Там же. Т. 2. Стб. 842. О вмешательстве князей в назначение епископов на Руси. неизвестном в Византии, писал и Ф. Дворник. См.: *Dvornik F. Byzantine Political Ideas in Kievan Russia* // DOP. Cambridge (Mass.), 1956. Т. IX—X. P. 97—100.

²⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 522, 656—657; Т. 10. Стб. 63—64.

митрополит впервые заявил о высоком месте, которое он занимает, как глава церкви: «Господь бог в себе место даде власть апостолом своим вязати и решати (налагать наказания и снимать их), и по них наследником их; и се мы апостольстии наследници, и образ Христов имущи и власть его дрѣжаще». Как «начальный» (высший) «пастырь всеа Руси», как он себя называет, он призывает новгородцев покориться князю, просившему у них прощения, освобождает их от данной ими клятвы и дает поручительство за князя»²⁵.

Для того чтобы эта концепция церковной власти, стоящей над княжеской, была так резко сформулирована, недостаточно было ее автору быть знакомым с византийскими сочинениями. Нужны были политические обстоятельства, такие, как установление феодальной раздробленности и ослабление власти князей. К тому же это происходило в условиях монгольского ига, когда в политической борьбе князей и городов достаточно было одному призвать войско завоевателей, чтобы полностью разорить другого и одержать победу. Авторитет главы церкви в это время значительно вырос, и само это высказывание митрополита было спровоцировано обратившимся к нему великим князем, признавшим свое бессилие в споре с Новгородом и призывавшим своего духовного главу «в мир всех приводити, колми паче (тем более) нас, твоих присных (родных) детей»²⁶ (т. е. князей).

Эти новые возможности церковной власти на Руси и новая ее позиция по отношению к великокняжеской власти получают развитие и выражение затем в XIV—XV вв. в Москве как столице нового княжества.

---

²⁵ ПСРЛ. Т. 10. С. 149.

²⁶ Там же.